

ПОСЛЕДНИЙ ВАГОН

Эдуард Подвербный

Эдуард Подвербный Последний Вагон

<https://litres.ru/73888716>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он просто хотел прокатиться. Сел в случайный поезд, чтобы сбежать от творческого кризиса и посмотреть в окно. Но этот поезд никто не ждал. Этот поезд идёт без расписания. Каждый вагон — отдельная эпоха. Каждая дверь — испытание. Чтобы выйти, нужно пройти весь состав до конца, до кабины машиниста. Но что, если в кабине его ждёт тот, кого он меньше всего ожидает увидеть?

«Последний вагон» — мистическая история о творчестве, боли и пути к себе.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Колыбель	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Эдуард Подвербный

Последний Вагон

Пролог

Здравствуй, уважаемый читатель.

Сейчас я расскажу тебе одну историю, которая приключилась со мной много лет назад. Историю, о которой я молчал все эти годы. Не потому, что боялся — хотя страх в ней был, — а потому, что слова для неё рождались долго. Очень долго. Как будто сама история не хотела, чтобы её рассказывали раньше времени.

Меня зовут... Впрочем, не важно, как меня зовут. Имя — это для тех, кто остался снаружи. А для этой истории оно не понадобится. Ты всё поймёшь сам.

Итак.

Однажды, одним осенним дождливым днём, я сидел у окна в своей квартире и пытался написать хоть строчку. Хоть слово. Хоть что-нибудь. Передо мной лежал блокнот — старый, кожаный, с потёртым корешком, — и он был пуст. Абсолютно пуст. Уже год как пуст.

Дождь барабанил по карнизу. По стеклу ползли капли — одна догоняла другую, сливалась с ней, и вместе они скатывались вниз, в темноту за окном. Я смотрел на них и думал:

вот так же и мысли — разбегаются, сливаются и пропадают, не оставляя следа.

Я писатель. По крайней мере, когда-то я им был. У меня вышло три книги. Неплохие книги, между прочим. Кому-то они даже нравились. Но в какой-то момент что-то сломалось. Не знаю точно когда. Может, после того самого дня, о котором я расскажу позже. А может, ещё раньше — просто я не заметил трещину, пока она не стала пропастью.

Творческий кризис — звучит почти благородно, правда? Как болезнь, которой болеют только избранные. Но на деле это просто пустота. Белый лист, который смотрит на тебя и молчит. И ты молчишь в ответ.

В тот день я понял: ещё немного — и я сойду с ума в этих четырёх стенах. Нужно было выйти. Проветрить голову. Сменить картинку.

Я уже давно придумал для себя такое лекарство — поезда. Не спрашивай почему. Я и сам не знаю. Просто иногда, когда становится совсем невыносимо, я выхожу на ближайшую станцию — нашу маленькую, провинциальную, с облупившейся скамейкой и старым расписанием под стеклом, — и сажусь на первый прибывший поезд. Не важно куда. Не важно зачем. Просто еду и смотрю в окно.

В этом есть что-то почти медицинское. Ритмичный стук колёс — будто метроном, который заново учит сердце биться ровно. Пейзаж за окном — как чужая жизнь, которую можно прожить, не вставая с места. Леса, поля, далёкие огни де-

ревень, мосты над чёрной водой... Всё это течёт мимо, и ты течёшь вместе с ним. И на какое-то время становится легче.

В тот день я собрался быстро. Накинул пальто, сунул блокнот в карман — зачем, сам не знаю, он же был пуст, — и вышел под дождь.

Станция встретила меня мокрым асфальтом и запахом прелых листьев. Народу было немного. Пожилой мужчина с газетой, сложенной вчетверо, сидел на скамейке под козырьком и, кажется, дремал. Женщина с хозяйственными сумками стояла у края платформы и нервно поглядывала на часы. Подросток в наушниках пританцовывал под свою неслышную музыку, засунув руки в карманы толстовки. Ещё пара человек — обычные, ничем не примечательные пассажиры.

Я встал чуть поодаль и приготовился ждать.

Дождь моросил — мелкий, противный, осенний. Он не лил, а будто висел в воздухе, оседая на воротнике, на волосах, на ресницах. Я поднял воротник пальто и сунул руки в карманы. Пальцы сами нащупали блокнот. Пустой. Всегда пустой.

Через несколько минут вдалеке показался свет.

Поезд.

Он приближался, и в этом приближении было что-то странное. Я не сразу понял что. А потом понял: он не шумел. Не было привычного грохота, лязга, свиста тормозов. Состав просто скользил вдоль платформы — мягко, почти беззвучно, будто его тянула невидимая рука.

Старый поезд. Тёмно-зелёные вагоны с облупившейся краской, латунные ручки на дверях, таблички у окон — такие, какие я видел только в детстве. В детстве, когда мы с отцом ездили к бабушке, и за окном проплывали бесконечные подсолнуховые поля.

Я улыбнулся. Раритет. Давно таких не видел.

Поезд остановился — мягко, словно выдохнул. Двери открылись.

И вот тут я заметил вторую странность.

Люди на платформе — те самые, что ждали своего поезда, — даже не пошевелились. Женщина с сумками продолжала смотреть на часы. Подросток качал головой в такт музыке. Мужчина дремал над своей газетой.

Они не видели поезд.

Точнее — они никак на него не реагировали. Как будто состав, замерший у платформы, был для них пустым местом.

Я помню, как нахмурился тогда. Помню, как мелькнула мысль: «Наверное, они ждут другой поезд. Этот — не их маршрут». А потом вторая мысль: «Но ведь диктор ничего не объявлял. И на табло ничего не загорелось».

Я оглянулся на табло. Оно было погашено. Вообще. Чёрный прямоугольник — и всё.

Двери поезда стояли открытыми. Тёплый свет лился из тамбура на мокрый асфальт платформы. Пахло оттуда деревом, лёгкой гарью и ещё чем-то — неуловимым, как запах старой библиотеки или сухих осенних листьев.

Я пожал плечами. Какая разница? Я ведь за этим и пришёл — сесть на случайный поезд и ехать. А этот, надо сказать, выглядел куда уютнее обычных электричек с их пластиковыми сиденьями и запахом хлорки.

Я шагнул внутрь.

В вагоне было пусто. Ни души. Мягкие кресла с вытертой до блеска обивкой, деревянные панели на стенах, латунные светильники под потолком. Окна — большие, чистые, в деревянных рамах. Над каждым окном — полочка для багажа, и на одной из них, представьте себе, лежал старый фибровый чемодан. Будто кто-то забыл его здесь много лет назад. Я прошёл мимо него, провёл пальцем по кожаной ручке — холодная, жёсткая от времени.

Я выбрал место у окна и сел.

Через минуту — или мне показалось, что через минуту, — поезд тронулся. Без рывка, без толчка. Просто пейзаж за окном начал медленно плыть назад. Станция уплыла, растворилась в дожде. Поплыли мокрые леса — тёмно-зелёные, почти чёрные. Потом поля — серые, сжатые, с одинокими стогами. Потом овраги, затянутые туманом. Мосты над реками, в которых отражалось низкое осеннее небо.

Я смотрел и чувствовал, как отпускает. Медленно, по капле. Как будто поезд вытягивал из меня напряжение — через глаза, через дыхание, через кончики пальцев, прижатых к холодному стеклу.

На стекле был конденсат. Я подышал на него и машиналь-

но, сам не заметив как, нарисовал пальцем цветок. Простой, пять лепестков, стебелёк. Привычка, оставшаяся с детства. Я всегда рисую на запотевших окнах. Не знаю почему. Наверное, это единственное, что я могу нарисовать без страха, что получится плохо.

Я посмотрел на цветок. Капля скатилась по стеклу и прошла ровно через его середину — будто слеза.

Время тянулось. Пейзаж за окном менялся. Леса стали реже, пошли холмы, потом снова леса. Я прикрыл глаза. Стук колёс баюкал.

Не знаю, сколько прошло времени. Может, час. Может, два. Я почувствовал, что хочу пить. Наверное, где-то в поезде должен быть вагон-ресторан или хотя бы автомат с водой.

Я встал и пошёл вперёд по проходу. Мои шаги звучали гулко в пустом вагоне. Дверь в конце вагона — тяжёлая, с латунной ручкой — открылась с усилием. Я вышел в тамбур.

И замер.

В тамбуре стоял мужчина.

Он был хорошо одет — в костюм, который сидел на нём безупречно, несмотря на то, что явно был не нов. Тёмно-серый, из хорошей шерсти, с жилетом. Белая рубашка без галстука, верхняя пуговица расстёгнута. Пальто перекинута через руку — как будто он только что вошёл или, наоборот, собирается выходить. Лицо его... Трудно описать лицо этого человека. Не старое и не молодое. Гладкое, но с морщинами вокруг глаз. Глаза светлые, спокойные, и в них было что-то

такое, от чего мне стало не по себе. Не страх — нет. Скорее, ощущение, что этот человек знает обо мне что-то. Что-то, чего я сам о себе не знаю.

— Добрый день, — сказал я, потому что нужно было что-то сказать.

Он чуть наклонил голову:

— Здравствуйте.

Голос у него был ровный, глубокий, без возраста. Как у актёра старой школы, который привык, чтобы его слушали.

— Я ищу вагон-ресторан, — сказал я. — Не подскажете, он впереди или позади?

Мужчина чуть улыбнулся — уголками губ, едва заметно:

— В этом поезде нет вагона-ресторана.

— Жаль, — я вздохнул. — А куда, кстати, он едет?

Мужчина посмотрел на меня. Не на лицо — а будто сквозь лицо, куда-то глубже.

— А вы разве не знаете? — спросил он.

— Нет, — я пожал плечами. — Я сел случайно. Я иногда так делаю — сажусь на случайный поезд и еду.

— Понимаю, — он кивнул. — Это хорошая привычка. Я и сам когда-то так делал.

Он замолчал. Молчание затягивалось, но не было неловким. Скорее, оно было тяжёлым — как воздух перед грозой.

— Этот поезд, — сказал он наконец, — не совсем обычный.

— Я заметил, — усмехнулся я. — Старинный, без объяв-

лений, без пассажиров. Раритет.

— Дело не в возрасте, — он покачал головой. — Вы когда-нибудь слышали легенду о Поезде Эпох?

— Нет. Это что-то из фольклора?

— Можно сказать и так. Говорят, есть поезд, у которого нет конечной станции. И нет расписания. Он появляется на разных станциях в разное время, и не каждый может его увидеть. Только те, кто... как бы это сказать... готов.

— Готов к чему?

— К путешествию, — он развёл руками. — Каждый вагон этого поезда — это своя эпоха. Своё время. Своя загадка. От давних веков до тех, что ещё не наступили. Чтобы сойти с поезда, нужно пройти все вагоны — от хвоста до головы состава. Там, в кабине, сидит Машинист, и только он знает, как выпустить пассажира.

Я слушал его и чувствовал, как уголки моих губ ползут вверх. Красивая сказка. Очень в духе тех историй, которые путешественники рассказывают у костра — чтобы детям не спалось.

— Забавно, — сказал я. — И что же, по-вашему, я попал именно на такой поезд?

Мужчина смотрел на меня без улыбки.

— А вы разве нет?

Я не нашёлся, что ответить. Что-то в его интонации — спокойной, будничной — заставило меня замешкаться. Он говорил об этом так, как говорят о расписании электричек.

Без пафоса, без мистического шёпота.

— Но если это так, — продолжил я, решив подыграть, — то почему я? Я не какой-то избранный. Я обычный человек. Писатель без книги. Пассажир без билета.

— Может, именно поэтому, — сказал он. — Обычные люди — самые интересные пассажиры.

Он помолчал и добавил:

— И ещё. Если вы решите пройти вперёд — помните: каждый вагон нужно пройти до конца. Задержитесь в эпохе — станете её частью. Навсегда.

— А вы сами? — спросил я. — Вы проходили?

Он улыбнулся. На этот раз — печально.

— Я — другое дело. Я здесь работаю.

Он отступил в сторону, освобождая проход к двери в следующий вагон.

— Вам туда. Если хотите, конечно. Можете вернуться на своё место и просто ехать. Виды из окна здесь действительно хороши.

Я посмотрел на дверь. Обычная дверь. Латунная ручка.

— Сказки, — сказал я вслух. — Интересная сказка, но всё же сказка.

Мужчина ничего не ответил.

Я взялся за ручку. Потянул дверь на себя.

И замер.

За дверью не было вагона. Не было прохода с креслами и полочками для багажа. Не было латунных светильников и

запаха дерева.

Там была пещера.

Грубые каменные стены уходили вверх, в темноту. По ним метался оранжевый свет — где-то в глубине горели факелы. Пахло сырой землёй, золой, дымом. И ещё — зверем.

Я стоял и смотрел. Дверь за моей спиной тихо закрылась.

Впереди, в полумраке, что-то шевельнулось.

Я сделал шаг.

Стук колёс всё ещё звучал где-то далеко-далеко — как сердце огромного зверя, который нёс этот поезд сквозь время.

Глава 1. Колыбель

Я замер на пороге.

Одной ногой — ещё в тамбуре, где пахнет деревом и лёгкой гарью, где за спиной стоит человек без возраста и, наверное, смотрит мне в затылок. Второй ногой — уже там. В пещере.

Поезд — вот что было страннее всего. Стук колёс никуда не делся. Он звучал где-то внизу, под каменным полом, ровный и неумолимый: тук-тук, тук-тук, тук-тук. Как будто сам ритм времени просачивался сквозь толщу земли. Я чувствовал его подошвами, всем телом. Мы всё ещё ехали.

Я оглянулся. Хотел спросить мужчину в костюме — что это? как это возможно? — но дверь за моей спиной уже закрылась. Бесшумно. Плотно. И когда я положил ладонь на неё с той стороны, она оказалась холодной и шершавой — камень. Никакой двери. Никакой латунной ручки. Только каменная стена, по которой бежали трещины, как по старой фреске.

Я остался один.

В пещере.

Помню, как в тот момент во мне боролись два чувства. Первое — паника. Животная, липкая, поднимающаяся откуда-то из солнечного сплетения: «Этого не может быть, этого не может быть, этого не может быть». И второе — стран-

ное, почти болезненное любопытство. То самое, которое заставляет писателя заглядывать в чужие окна и подслушивать разговоры в электричках. Любопытство, которое всегда перевешивало во мне страх.

Я сделал шаг. Потом ещё один.

Пол был неровным, каменным, но при этом удивительно гладким — будто отполированным сотнями ног за тысячи лет. Воздух — тяжёлый, влажный, но не затхлый. В нём чувствовалась жизнь. Древняя, медленная, дышащая животным теплом.

Факелы горели в трещинах стен. Я подошёл ближе к одному из них и потрогал камень рядом с пламенем. Тёплый, но не обжигающий. Факел был закреплён в естественной нише, и вокруг него, на стене, я разглядел рисунки.

Это были наскальные изображения.

Бизоны. Олени. Люди с копьями. Сцены охоты — угловатые, примитивные, но при этом живые. Охра, уголь, что-то ещё, чего я не мог определить. Они покрывали стены сплошным ковром, уходили в темноту, терялись в тенях. И в неровном свете факелов казалось, что они движутся.

Я моргнул. Присмотрелся.

Нет. Просто игра света.

— Просто игра света, — сказал я вслух.

Мой голос прозвучал глухо, без эха. Камень поглотил его, как губка. И это было неправильно — в пещере должно быть эхо. В пещере всегда есть эхо. Но здесь его не было. Как буд-

то пространство было не совсем физическим. Как будто оно существовало по каким-то другим законам.

Я двинулся вперёд. Точнее, в ту сторону, которая, по моим ощущениям, была «вперёд» — в сторону движения поезда, к голове состава. Если мужчина в тамбуре не солгал, где-то там, через несколько вагонов, сидит Машинист. И только он знает выход.

Если мужчина не солгал.

Я всё ещё не верил. Даже стоя в пещере внутри поезда. Даже слыша стук колёс под ногами. Мой разум — рациональный, писательский, привыкший раскладывать всё по полочкам — отказывался принимать происходящее. «Это какая-то иллюзия, — думал я. — Голограмма. Розыгрыш. Может, я сплю в кресле у окна, и мне снится этот странный сон».

Я ущипнул себя за руку. Больно.

Не сон.

Проход сужался. Стены подступали ближе, факелы попадались реже. Я шёл, выставив руку вперёд, касаясь камня. Он был шершавым, влажным, настоящим. И на нём — повсюду — рисунки.

Чем дальше я продвигался, тем больше их становилось. Они менялись. Сначала — простые контуры животных. Потом — сцены охоты. Потом — странные символы, похожие на буквы неведомого языка. А потом я увидел его.

Рисунок, который был больше всех остальных.

Он занимал целую стену — от пола до свода, уходящего в темноту. Это был зверь. Огромный, чёрный, с мощным загривком и длинными, загнутыми вперёд рогами. Не бизон. Не тур. Что-то среднее между быком и... и тем, чего не существует. Его глаз — единственное светлое пятно на всём рисунке — был выведен особенно тщательно. Белый контур, а внутри — точка. И точка эта смотрела прямо на меня.

Я остановился.

— Красивый, — сказал я шёпотом.

И в тот же миг глаз моргнул.

Я отшатнулся. Ударился спиной о противоположную стену. Выхватил руку из кармана — глупый, рефлекторный жест, будто рука могла меня защитить.

Рисунок на стене шевелился.

Угольные линии поплыли, ломая форму. Чёрный зверь дёрнулся — сначала боком, потом всем телом, как будто пытался вырваться из камня. Из стены посыпалась крошка. Пыль. Запахло гарью и зверем — резко, до тошноты.

Я попятился, не сводя с него глаз.

Зверь выходил из камня.

Сначала — рога. Потом — голова, огромная, тяжёлая, с раздувающимися ноздрями. Потом — передние ноги, заканчивающиеся не копытами, а чем-то средним между лапой и кулаком. Он вытягивал себя из скалы, как рождающееся насекомое из кокона, и это было так противоестественно, так невозможно, что мой рассудок на секунду просто отключил-

ся.

Я перестал думать.

Осталось только тело — с бешено колотящимся сердцем, с холодными пальцами, с ногами, которые сами несли меня прочь.

Я побежал.

Не разбирая дороги, натыкаясь на стены, обдирая плечи. Факелы мелькали мимо — редкие, оранжевые, слепящие. За спиной раздавался топот. Тяжёлый. Влажный. С хрипом огромных лёгких.

Я бежал и думал: «Этого не может быть. Этого не может быть».

А потом пещера кончилась.

Я вылетел в открытое пространство — что-то вроде круглого зала с высоким сводом. Посередине горел костёр. Настоящий, живой, с искрами, улетающими в темноту. Вокруг костра лежали камни — грубые, но расставленные так, будто кто-то сидел на них много-много лет назад. И здесь тоже были рисунки. Повсюду. На стенах, на своде, даже на камнях у костра.

Топот за спиной стих.

Я обернулся.

Зверь стоял в проходе. Огромный. Чёрный. Настоящий. Он заполнял собой весь проём — от пола до свода. Его дыхание было громким, как кузнечные мехи. Из ноздрей вырывался пар. Глаз — тот самый, с белым контуром, — смотрел

на меня.

Смотрел и ждал.

— Что тебе нужно? — выдохнул я.

Глупый вопрос. Глупее некуда. Разве звери говорят?

Но этот зверь не нападал. Он просто стоял и смотрел. И в его взгляде не было злобы. Не было голода. Там было что-то другое — что-то, что я не мог понять. Ожидание? Вызов?

— Ты хочешь, чтобы я... что?

Он не ответил. Конечно, не ответил. Но он двинулся — не вперёд, а в сторону, освобождая часть стены рядом с собой. И тогда я увидел.

На стене, прямо за ним, был рисунок. Вернее — полрисунка. Такая же чёрная фигура зверя, но незаконченная. Только контур. Только половина тела. Вторая половина отсутствовала — на её месте была пустая, гладкая поверхность камня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.